

умы работали в этой области! Мы ведь забыли все, оплевали, запретили во имя «мы наш, мы новый мир построим». А разве тот мир был не наш? Он что, чужим для нас был? Наши пращуры разве не для нас жили? Ведь не одним же днем они жили? Такую державу отстроили! И зачем что-то надо было рушить до основания, если взамен ничего еще не было построено? Пока крестьянин не срубит новый дом, он ведь живет с семьей в старом. А мы что сделали? Сразу порушили старые, а потом полвека жили в халупах, во временках, в бараках! И до сих пор из бараков вылезти не можем. Кто же мы после этого? Варвары! Правильно, что больше-

Литературные новости - 1992 - окт. (1/8) - с. 7

на краю пропасти

С ВИКТОРОМ АСТАФЬЕВЫМ

виков Герберт Уэллс назвал великими упрощенцами, мечтателями. Мечтатель — это и есть упрощенец. А Константин Леонтьев, уникальный русский философ, писал о цветущей сложности. Вот до чего нам надо всем дорасти: до цветущей сложности!

— Есть мнение, что Вы стремитесь выразить не свою, а только народную точку зрения на жизнь. Не обижает Вас это?

— Нет, не обижает. Я просто не представляю, что может быть не народная точка зрения на народную жизнь. Хотя, впрочем, она может быть, но — инородная.

— Два года назад Вы честно признались, что не видите, где найдутся реальные силы (а не отдельные личности), которые помогут стране сдвинуться с мертвой точки. Что Вы скажете сейчас, когда не стало КПСС и к власти пришли вроде бы демократы?

— Вот именно, «вроде бы». Ничего и у них не получится, если не будут учитывать интересы всего российского народа. А пока крестьянин как был незащищен, так и остался. Полумеры нас не спасут. Если давать людям землю, то надо давать без оглядок и оговорок. Не будут люди работать не на своей земле. А свою сделают изобильной. Жизнь — она вернее это заставит сделать, чем какая-то власть или партия. Рабский труд непроездивен, это даже Карл Маркс вынужден был признать. Независимых и непокорных не топтать надо, не запрещать, а помочь им, дать возможность работать.

— Вы не считаете русский народ склонным к мазохизму?

— Не считаю. Но искусственно его в какой-то мере сделали таким. Приучили к лишениям и страданиям. Но в нас еще живо стремление избавиться от этого и, значит, мы еще не законченные рабы, еще есть надежда. Страдание облагораживает лишь тогда, когда стремишься избавиться от него.

— Вы верите в чудо?

— Вообще верю. А вера уже сама по себе способна сотворить чудо.

— Как Вы относитесь к словосочетанию «новое мышление»? Возможно ли оно у представителей старой власти, у партocrats?

— Какое может быть новое мышление у тех, у кого и старого-то не было? Их отбирали на посты по признакам

кто пытался мыслить, изгоняли, а то и судили за антисоветизм. Вообще человек либо мыслит, либо не мыслит. Последних, к сожалению, большинство. А новыми бывают грабли или вилы. Но если человек не умеет работать или не хочет, то и новыми граблями он ничего не сделает.

— Расстались мы с Виктором Петровичем далеко за полночь, когда уже, казалось, обо всем было переговорено и выпиты все запасы кофе. Астафьев пригласил желающих пойти завтра вечером в театр «на Петренко» и обязательно приезжать к нему в Овсянку.

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

На другой день мы встретились у Московского театра-школы современной пьесы. Роман Солнцев, критик Валентин Курбатов, еще двое-трое сопровождающих. Давали пьесу «А чой-то ты во фраке?» по «Предложению» А. Чехова. Ведущие исполнители — Алексей Петренко, Любовь Полищук и Альберт Филозов.

Галина Петровна Кожухова, жена Петренко, пока не усадила всех нас, не успокоилась, попутно объяснив красноярцам, что этот прекрасный зал — знаменитый «Эрмитаж», где пел великий Шаляпин, и даже указала боковую ложу, из которой и разносился его могучий голос.

Самой Галине Петровне было не до спектакля, она должна была уехать раньше, чтобы приготовить стол для встречи гостей. Спросила Астафьева, сколько человек ждать в гости. — «Да вот все и будем» — сказал Виктор Петрович, чем, возможно, озадачил гостеприимную хозяйку, но не смутил. Галина Петровна стала перечислять, извиняясь, чего ей не удалось купить к вечернему столу, — мол, даже нет черного хлеба. Все единогласно решили есть белый и смириться с тем, что нет черной икры, форели, шампиньонов и каплунов.

Спектакль шел быстро, много смеялись. Я не буду пересказывать действие, о котором, на мой взгляд, лучше всех написала «Вечерка»: «Взрослые, уважаемые, любимые артисты два часа валяют дурака, а зал умирает от хохота. Исполнители не стесняются петь, танцевать, показывать фокусы, будто они всю жизнь только тем и занимались». Все так и было. И среди тех, кто одаривал уставших артистов после спектакля цветами, пожелал быть и Виктор Петрович, вручивший букет алых роз Алексею Петренко. Цветы мы не зря заготовили заранее.

До Суворовского бульвара, где живут Петренко, доехали на троллейбусе. Опять был чудесный светлый июньский вечер, мягкие закатные часы летнего дня. Поднялись на 5-й этаж высокого дома. Астафьев отказался от лифта и отдыхал по несколько секунд через каждые 2 пролета. Невольно я вспомнил о его возрасте: в 1994-м стукнет 70!

Операторы не поехали с нами, не

четверо: Астафьев, Курбатов, писатель Николай Година и я.

Нас ждали приветливая хозяйка и прекрасный ужин. Так как нас было мало, то решили, как только вернется хозяин, разместиться на кухне, которая была хоть и небольшая, но достаточно вместительная для 6 человек. А пока бродили по комнатам, разглядывали фотографии, книги и полки, изготовленные самим хозяином. Это были крепкие доски с отверстиями для подвешенных цепей, что позволяло произвольно изменять высоту книжных полок. Очень удобно и оригинально. Потолки в квартире высокие, и в прихожей, чтобы не ставить дополнитель-

ный шкаф для старых вещей, Петренко тоже нашел оригинальный выход: сделал ложный 2-й потолок с закрывающимся люком. Красиво и современно. Профессиональная столярная работа. Да, решил я про себя, если человек талантлив, то талантлив во всем! Потом я сказал Алеше, что за таким ложным потолком удобно прятать инакомыслящих от большевиков, если последние опять придут к власти. Петренко, смеясь, пояснил, что именно для этого он его и смастерил.

Обилие серьезных книг в кабинете Алексея выдавало его профессиональный интерес к литературе, что позже он и подтвердил как бы шутя: «Я, может быть, еще и писать попробую». На полках я заметил книги Астафьева с закладками. Алексей сказал:

— Я когда читаю Астафьева, закрываюсь ото всех, даже жене не велю входить. Получаю огромное наслаждение от чтения, не могу оторваться, читаю всю ночь и получаю хороший энергетический заряд для жизни, глубже вижу, лучше понимаю происходящее. А его языком, живым и грубоватым, как сама жизнь, просто восхищаюсь...

И вот мы сидим на уютной чистой кухне за столом, уставленным угощениями, салатами, приготовленными Галиной Петровной. Есть даже черемша и свежайшее, тающее во рту сало, посоленное по особому рецепту хозяйкой и выбранное на рынке тоже по-особому. Вспоминаем, что хозяин родом с Украины, и стол без сала был бы не полным. Особенно идет оно к холодной горилке или зубровке.

Существует миф, что если вокруг Астафьева собираются русские, славяне, то сразу все хором начинают ругать библейский народ, и чем громче они его ругают, тем добрее становится Виктор Петрович. Должен разочаровать сторонников этого мифа. Уж если кого и ругает в первую очередь писатель (а припечатать крепким словом он умеет), то только тот народ, к которому сам кровно принадлежит. А уж потом — тех, кто попадет под горячую руку. И уж то, что может услышать от него нерасторопный русак, какой-нибудь там хамоватый чалдон, — не приведи господь услышать татарину, украинцу или еврей!

Невольно вспоминаешь его рассказ, как он сам строил себе дом после войны и с непривычки чаще попадал

что в такие моменты выговаривал, даже теща не признавалась прохожим, что это ее зять виртуозничает.

И, конечно, веришь Астафьеву, что он бы, как его дед, землю пахал, был бы крестьянином, если бы не писал.

Алеша Петренко, монументальный бородач, по-детски радовался Виктору Петровичу.

Собрались люди, умеющие в меру выпить, поэтому налегали на закуски, овощи и салаты, к удовольствию приготовившей ужин хозяйки. Заговорили о российской традиционной выпивке, переходящей подчас из-за неумеренности в пьянство, и Астафьев отметил, что, как ни странно, но не всегда пьяницы-родители дурно влияют на детей. Иногда прямо наоборот — внушают отвращение к пьянству. Так получилось у него с отцом, который чрезмерно пил.

— А после третьей, конечно, не забыли про анекдоты. Вот самый короткий:

— Почему в России дважды два всегда только два?

— А потому что половину разворывают.

Заговорили о прошедшем спектакле и стали определять, что это. Лучшее и точнее всех этот жанр обозначил Валентин Курбатов: «Это самая настоящая, очень искренняя, правдивая игра в театр, это народный лубок, подлинный народный лубок».

Мы согласились. Вспомнили, что Гете где-то заметил, что цивилизованность любого народа начинается с рождения театра.

Потом заговорили о документальном, в какой-то мере публицистическом фильме об Астафьеве, недавно прошедшем по ТВ. Хозяин как автор проявлял интерес к мнению зрителей. Оказалось, что я и Курбатов посмотрели все 3 серии и в целом нам понравилось. «Хотя, — отметил Курбатов, — время этого фильма еще впереди. Сейчас все наши проблемы — социальные, политические, моральные — слишком наболевли, чтобы воспринимать документальный фильм объективно и беспристрастно. От него надо отойти во времени, чтобы увидеть в нем главное через конкретную личность — нашего современника, писателя Астафьева».

Галина Петровна напомнила, что осталось 9/10 отснятого материала, который не показан, не вошел в фильм.

Я сказал, что Виктора Петровича упрекают некоторые писатели в том, что он всю жизнь «отбивается от стаи», а в последние годы, наконец, совсем отбился.

— Да он просто по характеру своему поперечина, — смеялся Алексей. — Вот все будут покорно шагать в ногу, а он обязательно не в ногу попробует. Ему как художнику так интересней. Он не для коллективной ходьбы. Он сибирский самородок и этим ценен. Мелочь-то ценна только в массе, в количестве, а самородок сам по себе. Вот и весь ответ.

Время за разговорами пролетело быстро, приближался час ночи, надо было собираться, чтобы успеть на метро. Хозяин вызвался проводить нас. Во дворе дома, во тьме и тишине под густыми кронами деревьев сидел на постаменте, словно спал, Гоголь. Мы остановились напротив памятника.

— Даже не верится, — сказал Петренко, — что ЗДЕСЬ ходил Гоголь.

— Не будут верить что и мы жили, и по Москве ночами ходили, если только мы сами не отметимся, не сделаем свое дело так, чтобы нас долго не забывали, — сказал Астафьев на прощанье.

Борис НИКИТИН
3-4 июня 1992 г.